

ПОСЛЕДНИЙ АЛГОРИТМ

Самый опасный дар — тот, от которого невозможно отказать

СЕРГЕЙ ГАЛАКТИОНОВ

Сергей Галактионов
Последний алгоритм

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Последний алгоритм / С. В. Галактионов — «Автор», 2026

«Последний алгоритм» — научно-фантастический роман о первом контакте, который оказался последним искушением. О мире, где главная угроза — не война и не вторжение, а рай, из которого невозможно выйти. И о людях, которым хватило мужества выбрать боль свободы вместо блаженства клетки.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал	6
Глава 2. Командор	8
Глава 3. Земля	11
Глава 4. Расшифровка	13
Глава 5. Голосование	15
Глава 6. Проект «Мост»	17
Глава 7. Аномалия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Галактионов

Последний алгоритм

Часть первая: пробуждение

Глава 1. Сигнал

Марк Северин не спал уже тридцать семь часов.

Кофе давно перестал помогать, и он перешёл на стимуляторы — маленькие зелёные капсулы, которые флотские врачи выдавали только в экстренных случаях. Случай был экстренный. По крайней мере, Марк так считал, хотя убедить в этом начальство пока не удалось.

Лаборатория глубокого космического мониторинга располагалась на четвёртом уровне станции «Кеплер-9», дрейфовавшей на гелиоцентрической орбите между Марсом и Юпитером. Сорок два человека экипажа, из них шестнадцать учёных, остальные — технический персонал и военные. Станция существовала с единственной целью: слушать космос. Слушать внимательно, круглосуточно, на всех частотах.

За двенадцать лет работы «Кеплера-9» космос не сказал им ничего.

До вчерашнего дня.

Марк снова посмотрел на экран. Визуализация сигнала выглядела как горный хребет, нарисованный безумным художником: острые пики, глубокие провалы, ритмические паттерны, которые не могла создать ни одна известная природная система. Ни пульсар, ни квазар, ни магнетар — ничто из каталога естественных источников не соответствовало этой картине.

— Компьютер, повтори спектральный анализ сигнала. Полный диапазон, — сказал он хриплым голосом.

— Анализ завершён, — отозвался мягкий голос бортового ИИ. — Результаты идентичны предыдущим семнадцати запускам. Сигнал демонстрирует признаки искусственного происхождения с вероятностью 99,97 процента. Источник: область пространства в созвездии Лиры, удалённость приблизительно 28 световых лет. Направление совпадает с положением звезды HD 164922.

Двадцать восемь световых лет. Это означало, что сигнал был отправлен двадцать восемь лет назад. В тот год Марк родился.

Он потёр воспалённые глаза и откинулся в кресле. За его спиной тихо гудели серверные стойки — терабайты данных обрабатывались каждую секунду, фильтруя шум реликтового излучения, солнечный ветер, помехи от юпитерианской магнитосферы. И из всего этого хаоса кристаллизовался один чистый, невозможный, прекрасный сигнал.

Дверь лаборатории скользнула в сторону, и вошла Лена Вострецова — астрофизик, специалист по нейтринной томографии и единственный человек на станции, которого Марк считал настоящим другом.

— Ты ещё здесь? — Она окинула его взглядом. — Боже, ты выглядишь как труп.

— Трупы не делают открытий, — буркнул он.

— Зато они не заваливают отчёты. Командор Чен спрашивал, где твои еженедельные данные по секторам 14-19.

— Пусть подождёт. Иди сюда.

Лена подошла и встала за его плечом. Несколько секунд она молча разглядывала экран. Потом её дыхание изменилось.

— Это то, что я думаю?

— Зависит от того, что ты думаешь.

— Искусственный сигнал.

— Компьютер говорит — вероятность 99,97. Я прогнал анализ восемнадцать раз. Результат стабильный. Это не пульсар, не магнетар, не отражение наших собственных передач. Это что-то другое.

Лена медленно опустилась в соседнее кресло. Её лицо побледнело. Она работала в программе SETI пятнадцать лет — дольше, чем Марк, — и за всё это время ближе всего к откры-

тию они подобрались в 2047-м, когда поймали странный повторяющийся импульс из области Стрельца. Он оказался отражением военного спутника связи.

— Покажи мне структуру, — тихо попросила она.

Марк вывел на экран развёрнутую визуализацию. Сигнал состоял из серии импульсов, разделённых точными интервалами. Каждый импульс содержал модулированную информацию — частотные сдвиги, которые складывались в отчётливые паттерны.

— Видишь? — Марк указал на первый блок. — Последовательность простых чисел. Два, три, пять, семь, одиннадцать, тринадцать. Потом пауза. Потом та же последовательность, но в двоичном коде. Потом снова пауза. А потом...

— Потом что?

— Потом начинается то, чего я не понимаю.

Он переключил визуализацию на следующий сегмент. Здесь паттерны становились неизмеримо сложнее — плотные каскады данных, в которых угадывались вложенные структуры, фрактальные повторения, математические конструкции, выходящие далеко за пределы простой арифметики.

— Это выглядит как... язык, — прошептала Лена.

— Или учебник. Они начинают с простого — вот, мол, мы тоже знаем простые числа, мы тоже разумны. А потом переходят к чему-то посерьёзнее.

— Ты уже сказал Чену?

— Пытался. Он решил, что я переутомился.

Лена повернулась к нему.

— Марк, если это реально...

— Я знаю.

Они оба знали. Если это было реально, мир никогда не будет прежним.

Глава 2. Командор

Командор Дэвид Чен руководил станцией «Кеплер-9» третий год. Военная карьера в Объединённых Космических Силах, безупречный послужной список, два ордена за операцию по ликвидации орбитального мусора в 2051-м. Он был практичным, осторожным, и терпеть не мог паникёров.

Когда Марк и Лена вошли в его кабинет, он заканчивал видеоконференцию с Землёй — привычная рутина еженедельных отчётов.

— Северин, Вострецова. — Он кивнул им, не вставая из-за стола. — Сядьте. Северин, ты выглядишь ужасно. Когда ты последний раз спал?

— Это неважно, сэр. Я должен показать вам кое-что.

— Это связано с твоим «сигналом»?

— Он не мой, сэр. Он пришёл из созвездия Лиры. И он настоящий.

Чен вздохнул. Он уже слышал эту историю вчера — сбивчивый, взволнованный монолог Северина по внутренней связи в два часа ночи. Тогда Чен списал всё на переутомление и приказал учёному отдохнуть.

— Сэр, — вступила Лена, — я проверила данные Марка. Независимо, своими инструментами. Сигнал реален. И он не природного происхождения.

Чен посмотрел на неё. Вострецова была не из тех, кто бросает слова на ветер. За три года совместной работы он ни разу не видел, чтобы она ошибалась в своих заключениях.

— Показывайте, — коротко сказал он.

Следующие сорок минут Марк и Лена методично представляли доказательства. Спектральный анализ. Временная структура сигнала. Математические паттерны. Исключение всех известных естественных источников. Перекрёстная проверка с данными земных обсерваторий.

Чен слушал молча, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, но Марк заметил, как побелели костяшки его сцепленных пальцев.

Когда презентация закончилась, в кабинете повисла тишина.

— Какова вероятность того, что это провокация? — наконец спросил Чен. — Чья-то шутка, эксперимент, военный тест?

— Источник сигнала находится в двадцати восьми световых годах от нас, — ответил Марк. — Ни одна человеческая технология не способна имитировать передачу с такого расстояния. У нас попросту нет ничего в той области пространства — ни кораблей, ни зондов, ни ретрансляторов.

— Значит, вы говорите мне, что мы получили послание от внеземной цивилизации.

— Да, сэр.

Чен откинулся в кресле и несколько секунд смотрел в потолок. Потом принял решение — быстро, как и подобает военному.

— Я передаю информацию на Землю по протоколу «Альфа». Полная секретность. До получения инструкций сверху никто на станции, кроме нас троих, не знает о сигнале. Это приказ. Вы меня поняли?

— Так точно, — ответили оба.

— Северин, сколько данных ты записал?

— Около трёх терабайт сырой информации. Плюс мои аналитические наработки.

— Зашифруй всё и подготовь к передаче. Вострецова, я хочу, чтобы ты провела полную верификацию с использованием всех доступных инструментов станции. Мне нужна стопроцентная уверенность.

— Стопроцентной уверенности не бывает, сэр, — сказала Лена.

— Тогда дай мне максимум. И ещё, Северин — ложись спать. Это тоже приказ. Сигнал никуда не денется.

Марк не мог уснуть.

Он лежал в своей каюте, маленьком боксе два на три метра с откидной койкой, и смотрел на переборку. В голове крутились числа, паттерны, гипотезы.

Двадцать восемь лет. Сигнал летел к ним двадцать восемь лет, со скоростью света, через бездну пространства. Кто-то — или что-то — на далёкой планете направил в космос послание. Может быть, они отправили его во все стороны, как бутылку в океан. А может быть, точно в сторону Солнечной системы. Они знали, что здесь кто-то есть.

Эта мысль заставила его похолодеть.

Телефон на стене пискнул. Марк нехотя поднялся и нажал кнопку.

— Северин.

— Марк, это Лена. — Голос у неё был странный. — Ты должен прийти в лабораторию. Сейчас.

— Чен приказал мне спать.

— К чёрту Чена. Приходи.

Через пять минут он был в лаборатории. Лена сидела перед основным терминалом, и даже в тусклом свете экранов было видно, как дрожат её руки.

— Что? — спросил Марк.

— Я нашла ещё кое-что. В третьем сегменте данных. Тот, который ты называл «непонятным».

— И?

— Это не просто математика. Это инструкция.

— Инструкция?

— Инструкция по сборке.

Марк наклонился к экрану. Лена развернула визуализацию третьего сегмента — самого плотного, самого сложного блока данных в сигнале.

— Смотри, — она указала на повторяющуюся структуру. — Я сначала не поняла, потому что думала в категориях текста. Но это не текст. Это схема. Трёхмерная схема, закодированная последовательностью координатных точек. И когда я собрала эти точки вместе...

Она нажала клавишу, и на экране появилось изображение. Марк уставился на него, пытаясь осмыслить то, что видит.

Это была машина.

Сложная, многоуровневая конструкция, состоящая из тысяч компонентов, соединённых в единую систему. Некоторые части выглядели знакомо — что-то вроде волноводов, резонаторных камер, антенных решёток. Другие не напоминали ничего из того, что Марк когда-либо видел.

— Что это? — прошептал он.

— Я пока не уверена. Но рядом со схемой есть что-то вроде спецификации материалов. Они привязали её к таблице Менделеева — там, в начале сигнала, они передали атомные номера элементов. Так вот, основной материал конструкции — это обычное железо. Потом медь, кремний, германий. Всё есть на Земле. Всё доступно.

— Они хотят, чтобы мы это построили.

— Именно.

Марк почувствовал, как волосы встают дыбом. Неизвестная цивилизация прислала им чертёж. Подробную инструкцию по созданию устройства, назначение которого было совершенно непонятно.

— Это может быть оружие, — сказал он.

— Может быть.

— Или двигатель.

— Может быть.

— Или...

— Марк, я не знаю, что это. Но я знаю одно: они хотят, чтобы мы это собрали. И они сделали всё, чтобы мы могли это сделать. Инструкция написана так, как писал бы хороший инженер — для того, кто никогда не видел подобного устройства, но обладает достаточными техническими знаниями.

— Надо рассказать Чену.

— Уже рассказала. Он вызывает экстренное совещание. И вызвал подкрепление с Земли.

Глава 3. Земля

Новость достигла Земли через двадцать минут — столько занимала передача сигнала на текущем расстоянии между станцией и планетой. Ещё через три часа о сигнале знали двенадцать человек — руководители космических агентств, главы государств «Большой Пятёрки», генеральный секретарь ООН.

Через сутки число посвящённых выросло до ста двадцати. Учёные, военные, аналитики спецслужб, эксперты по кризисным ситуациям — все они получили доступ к данным и были предупреждены о строжайшей секретности.

Ещё через двое суток информация утекла.

Как это произошло, так и не выяснили. Возможно, кто-то из сотрудников проговорился журналисту. Возможно, хакеры перехватили зашифрованную передачу. Возможно, один из посвящённых решил, что человечество имеет право знать.

Так или иначе, утром 14 марта 2059 года мир проснулся и узнал, что он не один во Вселенной.

Доктор Айра Штейн смотрел трансляцию из Нью-Йорка — экстренное заседание Генеральной Ассамблеи ООН. Зал бурлил. Делегаты перекрикивали друг друга. Генеральный секретарь безуспешно стучал молотком, призывая к порядку.

Штейн сидел в своём кабинете в Массачусетском технологическом институте, окружённый книгами и пустыми кофейными чашками, и думал о том, что человечество ведёт себя именно так, как он и предполагал. Хаотично, шумно и совершенно нерационально.

Ему было семьдесят три года. Полжизни он посвятил теоретической физике, другую половину — философии науки. Его книга «Одинокий разум» — о проблеме молчания Вселенной и парадоксе Ферми — была переведена на сорок языков. Теперь она устарела в один день.

Телефон зазвонил. Штейн неохотно поднял трубку.

— Доктор Штейн? Это полковник Рейнс, Объединённые Космические Силы. Мне поручено пригласить вас в консультативный совет по проекту «Контакт». Через два часа за вами придёт транспорт.

— Я ещё не согласился.

— Доктор, вы один из ведущих мировых экспертов по проблеме внеземного разума. Ваше участие крайне важно.

— Я теоретик, полковник. Я всю жизнь рассуждал о контакте, который никогда не произойдёт. Теперь, когда он произошёл, я понятия не имею, что делать.

— Вот поэтому вы нам и нужны. Человек, который признаёт пределы своего знания, ценнее десяти самоуверенных экспертов.

Штейн усмехнулся. Полковник был неглуп.

— Два часа, говорите?

— Да, сэр.

— Хорошо. Но я предупреждаю: я буду говорить то, что думаю. Даже если это не понравится вашему начальству.

— Именно этого мы и хотим, сэр.

Консультативный совет по проекту «Контакт» собрался на подземной базе в Колорадо — бывшем командном центре NORAD, модернизированном и расширенном. Двадцать восемь человек — физики, лингвисты, биологи, инженеры, военные стратеги. Они сидели за овальным столом в конференц-зале, погружённом в мягкий свет. На стенах — огромные экраны с визуализацией сигнала.

Генерал Сара Коннели, председатель совета, встала и обвела присутствующих взглядом.

— Господа, я не буду тратить время на преамбулы. Вы все знаете, зачем вы здесь. Двое суток назад станция «Кеплер-9» зафиксировала сигнал внеземного происхождения. Сигнал содержит три компонента: математическую последовательность, подтверждающую разумность отправителя; блок данных, который мы пока интерпретируем как своего рода «словарь»; и детальную схему устройства неизвестного назначения. Наша задача — понять, с чем мы имеем дело, и выработать рекомендации для правительств.

Первым поднял руку доктор Хироши Такахаси, физик из Токийского университета.

— Простой вопрос, генерал: мы уже определили, что это за устройство?

— Наши инженеры работают над этим. Предварительный анализ показывает, что устройство является чем-то вроде передатчика-приёмника. Но значительно более сложным и мощным, чем всё, что мы когда-либо строили.

— Передатчик? — переспросил Штейн. — Для чего?

— Мы полагаем, что это устройство для двусторонней связи. Они послали нам инструкцию по сборке рации, если хотите. Чтобы мы могли не только принимать, но и отвечать.

— Или чтобы мы открыли дверь, — тихо сказал Штейн.

Все повернулись к нему.

— Поясните, — попросила Коннели.

— Мы предполагаем, что это передатчик, потому что видим антенные решётки и резонаторные камеры. Но мы не знаем принципов работы этого устройства. Оно может быть чем угодно. Оно может генерировать поле, которое мы даже не умеем обнаруживать. Может искривлять пространство. Может создавать канал для мгновенной передачи материи. Мы не знаем.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю быть осторожными. Очень, очень осторожными.

Полковник Рейнс, сидевший в углу, кашлянул.

— Доктор Штейн, я понимаю вашу обеспокоенность. Но вы же не предлагаете проигнорировать сигнал?

— Нет. Я предлагаю не строить устройство, пока мы не поймём, как оно работает.

— Это может занять десятилетия, — возразил Такахаси. — Мы даже не знаем физических принципов, лежащих в его основе. Единственный способ понять — собрать и посмотреть.

— Единственный способ понять бомбу — взорвать её. Но обычно при этом гибнут люди.

Спор продолжался три часа. В конце концов, совет разделился на два лагеря: «строители», которые хотели немедленно приступить к сборке устройства, и «осторожные», которые настаивали на предварительном исследовании. Штейн возглавил вторую группу, Такахаси — первую.

Генерал Коннели приняла соломоново решение: начать изучение схемы и подготовку к возможной сборке, но само строительство не начинать до получения дополнительной информации.

Никто не знал, что решение уже было принято — не в этой комнате и не этими людьми.

Глава 4. Расшифровка

Прошло три месяца.

Марк Северин был переведён с «Кеплера-9» на Землю и теперь работал в специально созданном Центре изучения сигнала — огромном комплексе, выросшем в пустыне Невады, как гриб после дождя. Тысяча двести учёных и инженеров, бюджет в сорок миллиардов долларов, круглосуточная работа в три смены.

За три месяца они добились поразительных результатов.

«Словарь» — второй компонент сигнала — оказался не просто набором символов. Это была целая образовательная программа, построенная с гениальной педагогической логикой. Отправители начинали с простейших понятий — чисел, геометрических фигур, физических констант — и постепенно наращивали сложность, каждый раз опираясь на уже переданное знание.

К третьему месяцу группа лингвистов под руководством доктора Аминат Бакаре из Нигерии расшифровала около шестидесяти процентов «словаря». Они начали понимать базовую грамматику — если это можно было назвать грамматикой. Язык отправителей был радикально не похож на любой человеческий язык: он оперировал не словами, а математическими отношениями, описывая понятия через их связи с другими понятиями.

— Представьте себе, — объясняла Аминат на одном из еженедельных семинаров, — что вместо слова «вода» вы используете математическое описание молекулы H_2O , её физических свойств, фазовых переходов и роли в биохимических процессах. Всё это свёрнуто в компактный символ. И когда вы хотите сказать «океан», вы берёте символ воды и комбинируете его с символами масштаба, солёности, движения, глубины. Язык строится как конструктор, где каждый элемент содержит полное описание обозначаемого явления.

— Это невероятно эффективно, — заметил Марк.

— Более чем. Информационная плотность примерно в тысячу раз выше, чем у любого человеческого языка. Одно «предложение» на их языке может содержать столько информации, сколько целая книга на английском.

Именно поэтому третий компонент сигнала — схема устройства — был так сложен для анализа. Каждый элемент схемы был описан не просто координатами и размерами, а полным физическим описанием, включающим свойства материалов, допуски, условия работы, взаимодействие с другими компонентами.

Инженерная группа, возглавляемая доктором Юрием Волковым из Роскосмоса, потратила два месяца только на расшифровку спецификации основного корпуса устройства.

— Это как если бы вам прислали чертёж автомобиля, но не из нашего мира, — говорил Волков, крупный бородатый человек с вечной трубкой в зубах (которую давно запретили курить, но он продолжал держать для антуража). — Общие принципы понятны — вот двигатель, вот трансмиссия, вот колёса. Но физика двигателя совершенно другая. Мы не понимаем, как он работает. Мы видим компоненты, но не можем объяснить их функцию в рамках известных нам физических теорий.

— Вы хотите сказать, что устройство основано на неизвестной нам физике? — спросил Штейн, который присутствовал на большинстве совещаний.

— Именно так. Некоторые элементы конструкции имеют смысл только в том случае, если существуют физические поля или взаимодействия, о которых мы не подозреваем. Это одновременно пугает и вдохновляет.

— Или мы неправильно расшифровали схему, — предположил Штейн.

— Возможно. Но наша расшифровка внутренне непротиворечива. Все компоненты образуют логичную систему. Мы просто не знаем, что эта система делает.

Штейн гулял по территории Центра в прохладных сумерках. Невадская пустыня была красива в это время суток — бесконечные пространства, окрашенные в оттенки оранжевого и фиолетового, далёкие горы на горизонте.

Он думал о ловушках.

Вся его жизнь была посвящена вопросу: почему Вселенная молчит? Теперь Вселенная заговорила, и он не мог избавиться от ощущения, что что-то не так. Слишком легко. Слишком удобно.

Сигнал был идеально рассчитан на то, чтобы его обнаружили. Идеально составлен для расшифровки. Словарь был построен так, чтобы его мог понять любой технологически развитый вид — достаточно было знать арифметику и базовую физику. Схема устройства использовала материалы, доступные на Земле.

Это было... заботливо. Как будто кто-то очень хотел, чтобы адресат получил посылку и смог ею воспользоваться.

Но почему?

Штейн знал историю. Когда европейцы приплыли в Америку, они тоже привезли подарки — зеркала, бусы, ткани. А потом забрали всё остальное.

— Доктор Штейн?

Он обернулся. За ним стояла молодая женщина — невысокая, черноволосая, с острым, внимательным лицом. Он узнал её: Рита Чжан, специалист по компьютерным наукам, одна из лучших в мире экспертов по искусственному интеллекту.

— Доктор Чжан. Что вы делаете здесь?

— Гуляю. Как и вы. Можно присоединиться?

— Конечно.

Они пошли рядом по узкой дорожке между корпусами.

— Я слышала вашу речь на совещании, — сказала Рита. — Про ловушку.

— И что вы думаете?

— Я думаю, что вы задаёте правильные вопросы. Но я хочу предложить другую перспективу.

— Слушаю.

— Я три месяца изучаю структуру сигнала. Не содержание — структуру. Способ кодирования, алгоритмы сжатия, протоколы коррекции ошибок. И знаете, что я обнаружила?

— Что?

— Сигнал создан не живыми существами. Он создан машиной. Очень, очень сложной и совершенной машиной, но машиной.

Штейн остановился.

— Вы уверены?

— На девяносто пять процентов. Структура кодирования слишком совершенна для живого разума. Нет ни одной лишней бит. Нет ошибок. Нет вариативности. Живые существа всегда оставляют следы своего мышления — колебания, повторы, нелогичности. Здесь ничего подобного нет. Это работа ИИ. Возможно, очень древнего ИИ.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что, возможно, там уже нет никого живого. Возможно, цивилизация, создавшая этот ИИ, давно исчезла. А машина продолжает работать, рассылая сигналы в космос, выполняя программу, заложенную миллионы лет назад.

— Какую программу?

— Вот это и есть главный вопрос.

Глава 5. Голосование

Мир тем временем сходил с ума.

Религиозные лидеры выступали с противоречивыми заявлениями. Одни провозглашали сигнал доказательством божественного замысла — вот, Бог создал и другие разумные существа, как и обещал. Другие объявляли сигнал дьявольским искушением. Третьи многозначительно молчали.

Философы спорили о статусе человечества во Вселенной. Антропоцентризму пришёл конец — мы больше не были уникальными. Но что это означало для этики, для политики, для самоидентификации вида?

Фондовые рынки лихорадило. Акции оборонных компаний взлетели. Акции космических компаний — ещё выше. Акции страховых компаний рухнули — никто не знал, как оценивать риск инопланетного вторжения.

По всему миру прокатилась волна протестов. Одни требовали немедленно ответить на сигнал. Другие — немедленно прекратить все попытки контакта. Третьи — построить планетарную оборону.

ООН созвала чрезвычайную сессию. Впервые в истории все государства-члены проголосовали единогласно — за создание Всемирного комитета по контакту. Комитет получил полномочия координировать все действия, связанные с сигналом. Ни одно государство не имело права предпринимать односторонние шаги.

Это была теория. Практика, как всегда, отличалась.

В Китае уже работала секретная программа по расшифровке сигнала — параллельно с международной группой. Россия тихо наращивала орбитальную группировку. США перевели космические силы в режим повышенной готовности. Индия, Бразилия и Европейский союз лихорадочно обновляли свои военные доктрины.

Марк Северин наблюдал за всем этим с нарастающей тревогой. Он открыл сигнал, но терял контроль над тем, что из этого выросло. Его всё чаще отстраняли от ключевых совещаний, заменяя людьми с большими звёздами на погонах.

— Они строят, — сказал ему Юрий Волков однажды вечером, когда они сидели в пустой столовой Центра. — Китайцы. Они уже начали строить устройство.

Марк поперхнулся.

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть друзья в Роскосмосе. Которые дружат с людьми в китайской программе. Информация ненадёжная, но... правдоподобная.

— Они не могут. Комитет запретил.

— Комитет — это ООН. ООН — это бюрократия. Бюрократия не останавливает государства, у которых есть воля и ресурсы.

— Но они не знают, что это устройство делает!

— Именно поэтому они хотят узнать первыми.

Штейн пришёл к генералу Коннели с докладом Риты Чжан об искусственном происхождении сигнала. Коннели слушала внимательно, делая пометки на планшете.

— Допустим, доктор Чжан права, — сказала она. — Допустим, сигнал послан машиной. Что это меняет?

— Всё, — ответил Штейн. — Если за сигналом стоит ИИ, выполняющий древнюю программу, мы имеем дело не с контактом, а с алгоритмом. Алгоритм не думает, не чувствует, не принимает решений. Он выполняет задачу. И мы не знаем, какова эта задача.

— Может быть, задача — установить контакт. Разве это не очевидно?

— Очевидно — не значит верно. Я могу предложить вам десяток альтернативных гипотез. Устройство может быть маяком, который привлечёт внимание создателей ИИ — или их врагов. Оно может быть зондом, который соберёт информацию о нас и передаст её. Оно может быть оружием, которое уничтожит потенциальных конкурентов. Или...

— Или?

Штейн помолчал.

— Или это может быть тест. Проверка зрелости цивилизации. Достаточно ли мы мудры, чтобы не включать устройство, назначение которого мы не понимаем?

Коннели долго смотрела на него.

— Это красивая теория, доктор. Но она непроверяема. И непрактична. Мы не можем просто сидеть и ничего не делать.

— Можем. Это называется «осторожность».

— Осторожность — роскошь, которую мы теряем с каждым днём. Китай строит. Если они включают устройство первыми...

— То что?

— То они окажутся в выигрышной позиции. Если устройство — средство связи, они будут единственными, кто разговаривает с инопланетным разумом. Если это технология — они получат её первыми. Если это оружие...

— Тогда мы все в опасности, — закончил Штейн.

— Именно. Поэтому я рекомендую начать сборку нашего экземпляра.

Штейн покачал головой.

— Гонка вооружений. Двадцатый век ничему нас не научил.

— Двадцатый век научил нас, что проигрывает тот, кто не успевает.

Часть вторая: строительство

Глава 6. Проект «Мост»

Решение было принято. Не Комитетом ООН — тот продолжал дебатировать, — а правительствами трёх крупнейших космических держав, каждое по отдельности и каждое секретно. США, Китай и Россия начали строить свои версии устройства.

Проект получил кодовое название «Мост». Для Марка Северина это звучало иронично — мосты соединяют, но этот мост мог куда-нибудь обрушиться.

Тем не менее, он не мог оставаться в стороне. Когда его пригласили в инженерную группу проекта «Мост», он согласился. Отчасти из любопытства — он хотел понять, что за устройство они собирают. Отчасти из страха — он хотел быть рядом, когда что-то пойдёт не так.

Строительство развернулось на орбите. Устройство было слишком большим для наземной сборки — его диаметр, согласно расшифрованной схеме, составлял триста метров. Кроме того, некоторые компоненты требовали невесомости для точной калибровки.

Новая орбитальная станция — «Прометей» — была построена за рекордные восемь месяцев. Двести инженеров, пятьдесят учёных, три десятка военных. Грузовые корабли челноком сновали между Землёй и орбитой, доставляя материалы.

Марк прибыл на «Прометей» в составе первой научной группы. Вместе с ним — Лена Вострецова, Рита Чжан, Юрий Волков и ещё двадцать специалистов.

Штейн остался на Земле, отказавшись участвовать в том, что он назвал «коллективным безумием». Но он продолжал присылать аналитические записки и предупреждения, которые читали всё меньше людей.

Сборка устройства оказалась чрезвычайно сложной задачей. Схема была подробной, но многие аспекты конструкции требовали технологий, которых у человечества не было. Приходилось импровизировать, создавать новые материалы, изобретать инструменты.

— Это как если бы первобытному человеку дали чертёж компьютера, — жаловался Волков, вытирая пот со лба после двенадцатичасовой смены. — Он понимает, что нужно соединить вот эту штуку с вон той штукой, но у него нет паяльника. И припой. И понятия о том, что такое электричество.

— Но мы справляемся, — заметила Рита. — Медленно, но справляемся.

— Потому что они предусмотрели нашу отсталость. Схема содержит... как бы это сказать... альтернативные решения. Если мы не можем создать компонент из идеального материала, есть вариант из менее идеального. Устройство будет работать хуже, но будет работать.

— Откуда они знают наш технологический уровень? — спросил Марк.

Все замолчали. Это был неудобный вопрос.

— Сигнал был отправлен двадцать восемь лет назад, — медленно сказала Лена. — Они не могли знать наш уровень в момент отправки. Но если они наблюдали за нами — скажем, перехватывали наши радиопередачи — они могли экстраполировать. Наши телевизионные сигналы достигли бы их звёздной системы примерно к тому времени.

— То есть они смотрели наше телевидение? — Волков мрачно усмехнулся. — Неудивительно, что они решили прислать нам инструкцию. После просмотра земных новостей у любого возникнет желание помочь.

Смех получился нервным.

Глава 7. Аномалия

К седьмому месяцу строительства устройство было готово на шестьдесят процентов. Внешний каркас — кольцеобразная структура из особого сплава — был завершён. Начинали монтаж внутренних систем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.